

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 497–504
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 497–504
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-497-504>, EDN: GSFWXE

Научная статья
УДК 821.111.09+929Уолпол

Русская тема в восприятии Х. Уолпола

Н. С. Креленко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Креленко Наталья Станиславовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, krelenkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7691-6811>, Author ID: 356277

Аннотация. Проблема межкультурного диалога и формирования образа «другого» в определенной культурной традиции активно разрабатывается в современной историографии на разных уровнях. В написании данной статьи выбран уровень личного восприятия представителем английского Просвещения носителей русской культурной традиции. Хорас Уолпол получил известность в разных сферах культурной жизни. В статье анализируется восприятие Уолполом русской темы; рассматривается, насколько в данном случае личное соответствует национальной традиции.

Ключевые слова: Просвещение, Россия, Англия, Х. Уолпол, Ч. Уитворт, И. Шувалов, образ «Другого»

Для цитирования: Креленко Н. С. Русская тема в восприятии Х. Уолпола // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 497–504. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-497-504>, EDN: GSFWXE
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Russian theme in the perception of H. Walpole

N. S. Krelenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Natalia S. Krelenko, krelenkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7691-6811>, Author ID: 356277

Abstract. The problem of intercultural dialogue and the formation of the image of the “other” in a certain cultural tradition is being actively developed in modern historiography at different levels. When writing this article, the level of personal perception by the representative of the English Enlightenment of the carriers of the Russian cultural tradition was chosen. Horace Walpole gained fame in various areas of cultural life. The article analyzes Walpole’s perception of the Russian theme, examines how in this case the personal corresponds to the national tradition.

Keywords: Enlightenment, Russia, England, H. Walpole, Ch. Whitworth, I. Shuvalov, the image of another

For citation: Krelenko N. S. Russian theme in the perception of H. Walpole. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 497–504 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-497-504>, EDN: GSFWXE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Самосознание любого человеческого общества строится на сравнении себя с другими ближними и дальними общностями. При этом сравнивающая, изучающая сторона рассматривает себя в качестве точки отсчета. Коллективное «мы» формирует психологическую установку на эмоционально-ценностное восприятие «другого» и определяет соответствующий отбор и интерпретацию характера, поведенческих практик, культуры любого иного народа. Англичанам традиционно свойственны высокая самооценка и критическое отношение к ближним и дальним соседям. В английском обществе, одном из первых вступившем на путь модернизационного развития, основными ценностными показателями

стали прогресс, просвещение, цивилизованность. Соответственно «...метафоры развития, прогресса, просвещения, цивилизованности, с одной стороны, и метафоры примитивности, отсталости, дикости, варварства, с другой, легко складываются в парные оппозиции, утверждая превосходство “своих” и неизменную ущербность “других”» [1, с. 280].

Восприятие всего, связанного с Россией, было сформулировано английскими путешественниками, писавшими о посещении Русского государства в период правления Ивана IV. Ключевым при этом стало отношение представителей «цивилизованного» общества к Российскому государству как нуждающемуся в том, чтобы

«цивилизироваться». Обоснование такой позиции меняется в частности в зависимости от времени и политической обстановки, в которой происходит эта оценка.

Изучение диалога культур допускает несколько ракурсов восприятия, т. е. разных граней, а также уровней. В частности, образ «другого» будучи озвучен отдельным конкретным представителем культуры «принимающей стороны» приобретает некоторое своеобразие, хотя в той или иной степени остается в рамках национального стереотипа.

В данном случае речь пойдет о том, как проявилось восприятие России и русских Х. Уолполом, широко известным в кругу британских (и не только британских) интеллектуалов своей разнообразной творческой деятельностью, осуществлявшейся на уровне дилетантских увлечений. Определение английского Просвещения как философии, «сложившейся за кофейным столиком» [2, р. 5], очень подходит для характеристики этого человека.

Хорас Уолпол (1717–1797) происходил из аристократической семьи (его отец Роберт Уолпол 20 лет занимал пост премьер-министра Великобритании). Как сын своего отца он значительную часть жизни числился членом парламента и человеком, близким к придворным кругам. Уолпол много повидал за свою жизнь, многое знал, многим интересовался, оставил о себе память в сферах культуры и политики, предпочитая наблюдать за потоком жизни.

Русская тема неоднократно всплывает в письмах Х. Уолпола, посвященных чаще всего различным политическим эксцессам. Основываясь по большей части на слухах, разговорах, печатной информации разного назначения, он анализирует, дает оценки отдельным представителям русского политического истеблишмента, а также некоторым эпизодам русской общественной жизни. Например, небольшой пассаж, написанный в 1756 г. и посвященный императрице Елизавете, которая характеризуется как добродушная женщина средних способностей. Не отказывает себе автор в том, чтобы объяснить поведение дочери Петра I традициями деспотизма, в которых она выросла: «Она была отстранена от трона, на который претендовала, и провела свою юность в страхе, порожденном порядком деспотической империи, в которой отсутствовали традиции цивилизованной человечности по отношению к сопернику...» [3, р. 62].

Уолпол отмечал, что, став императрицей, Елизавета обещала никого не казнить и сдержала свое обещание. Констатация этого факта сопровождается выразительным комментарием: «...Сибирь и тюрьмы в период ее правления были полны пытаемыми и замученными, но не было казненных...» [3, р. 62].

Особо Уолпол указал на тот факт, что императрица безжалостно поступила с семьей

свергнутого малолетнего императора Ивана Антоновича. Далее следует любопытный пассаж, в котором проводится сравнение между двумя Елизаветами – английской и русской. Ведь в судьбе каждой из них имелся эпизод сведения счетов с теми, кто рассматривался и был их соперником, в случае Елизаветы Тюдор – соперницей на престол. Оценка в отношении ситуации с императрицей Елизаветой очевидна. Касаясь поведения Елизаветы Английской, отмечается неподобающее возрасту жеманство в ситуации, когда решался вопрос о жизни и смерти Марии Шотландской.

Осуждая русские порядки, Уолпол не замечает, что на протяжении XVIII в. английское уголовное законодательство непрерывно ужесточалось, проводились регулярные казни и публичные бичевания, а многих осужденных отправляли в ссылку в американские колонии, где они находились на положении белых рабов. Отказаться от этой практики пришлось в годы, когда разгорелось вооруженное столкновение между Великобританией и ее североамериканскими колониями [4, с. 379].

В целом краткая оценка личности императрицы Елизаветы Петровны, данная Х. Уолполом, соответствует устоявшемуся ее восприятию в отечественной исторической традиции.

Несколько писем, адресованных разным корреспондентам, посвящено дворцовому перевороту, приведшему к власти Екатерину II. В письме Х. Манну от 31 июля в общем контексте внешнеполитических проблем лета 1762 г. (не забудем, еще продолжалась Семилетняя война) больше всего внимания уделяется «русской революции». В первом письме отмечается, что низложение императора Петра видится ему вполне закономерным, поскольку еще со времен его тетушки (т. е. императрицы Елизаветы Петровны) было признано отсутствие у него способностей к управлению, а вот супруга его отличалась умом и проницательностью.

На этом этапе Уолпол прогнозировал возможность воцарения «императора Джона» (Ивана Антоновича). Свои прогнозы автор никак не обосновывает и резюмирует ситуацию в России следующими словами: «Вот такая страна, там Сибирь находится за дверью гостиной» [5, р. 54]. А ведь будучи знатоком истории, Уолпол мог бы припомнить, что двумя столетиями ранее в Англии расстояние от королевского трона до Тауэра или эшафота было очень коротким.

В письме, написанном четырьмя днями позже тому же адресату, Уолпол набросал событийную канву переворота и попытался нарисовать развитие ситуации. Ради сохранения династической преемственности ему казалось желательным воцарение Ивана Антоновича, хотя он и слышал о том, что тот вряд ли был способен править в силу того, что его давно и постоянно приучали к наркотикам. Император Петр,

который, по мнению Уолпола, злоупотреблял горячительными напитками, тоже видится ему мало подходящим вариантом. Что касается новой правительницы царицы Екатерины, он оставляет открытым вопрос: как будет воспринята принцесса Ангальт-Цербстская в качестве правительницы «добрыми москвитами»? Проводя параллель с британскими политическими проблемами своего времени, Уолпол, откровенно ерничая, вопрошает: не будет ли недовольство озвучено в «Северном Русском» («North Russians»)? Тем самым сам намекает на оппозиционные статьи в издании Д. Уилкса «Северный Британец» («The North Briton») [5, р. 58–60].

В другом ключе – не по смыслу, а с точки зрения подачи материала – описывается «русская революция» 1762 г. в августовском письме Д. Монтегю, школьному другу, который вынужден был жить затворником в своем сельском доме, но живо интересовался всем, что происходило «в большом мире» [6, р. 160]. Письмо начинается с жалобы на нестерпимый зной, обрушившийся на Англию и любезную сердцу Уолпола его загородную резиденцию Стрauberри Хилл с прилегающим парком, где в водоеме изнывают от жары золотые рыбки, которые почти расплавились. Затем, автор переходит к описанию экстремальных событий иного рода, замечая, что этот природный жар ничто по сравнению с тем, что произошло в России: «Что вы скажите по поводу того, что Царица садится на коня и мчится во главе четырнадцати тысяч человек, с большим отрядом артиллерии, чтобы свергнуть с престола своего мужа? И все же она не единственная вительница в этой стране; организации заговора способствовала сестра царской любовницы, героиня лет около двадцати. У них не менее двух царей сейчас в заключении, это, если предположить, что кавалерственные дамы никого не убили. Турок можно признать воплощением умеренности; нужно оказаться в холодном климате, чтобы увидеть подинную революцию» [6, р. 160].

Ситуация представляется парадоксальной, ведь «низложенный император владет Московией, считался наследником в Швеции и истинным наследником в Дании; все северные короны сосредоточились на его челе; остается надеяться, что он в темнице, т. е., что он не убит» [6, р. 160].

После этого пассажа Уолпол переносит внимание на отклик, который в английских верхах получили русские события. Причем, начинает он не с правительства или парламента. Он пишет, что миссис Энн Питт, одна из его корреспонденток и сестра ведущего британского политика У. Питта, «немного завидует двадцатилетней героине...» [6, р. 161]. «Двадцатилетней героиней» он называет 19-летнюю «Екатерину маленькую», т. е. Екатерину Дашкову, активную участницу переворота.

Уолпол не отказал себе в удовольствии слегка позлорадствовать, заметив, что теперь перед

самим «великим коммонером» мистером У. Питтом возникла проблема, как помочь свергнутому Петру III, приверженцу прусского короля Фридриха II. В письме присутствует такая фраза: «не верьте, что ее брат, мистер Уильям Питт, чувствует себя сейчас счастливым, поскольку он не может немедленно отправить эскадру на Балтику для восстановления друга короля Пруссии» [6, р. 161].

Содержание этого письма демонстрирует привычку автора говорить о вещах весьма серьезных в подчеркнuto шутилом тоне, перенося на бумагу манеру, свойственную светской беседе, что вполне соответствовало поведенческим практикам эпохи, проявившимся «в игровом поведении» [7, с. 258]. Лучше понять этот культурно-исторический феномен позволит следующее объяснение: «...Эта удивительная культура галантного общения, «политеса». Его цель не коммуникация, не передача информации, а пристойное остроумное времяпрепровождение, включающее в себя проявление мысли – политической, философской, художественной... Изучая XVIII век, необходимо помнить о нем, специфическом и уникальном «языке», объединявшем многих заметных и не очень заметных деятелей той эпохи» [8, с. 251].

Показательно, что ироничная легкость изложения, ценимая в эпоху рококо, стала восприниматься как недостаток на этапе торжества романтизма в культурной жизни. Недоброжелательно настроенный к Х. Уолполу как типичному представителю века рококо самый известный английский историк первой половины XIX в. Маколей так отзывался о нем: «Его ум был связкою несовместимых причуд и аффектов» и далее: «Он желал быть знаменитым автором и, в то же время, вполне праздным джентльменом» [9, с. 164, 169].

Что до политических прогнозов Х. Уолпола относительно перспектив управления Российской империей, то следует признать, что они оказались нереалистичными. Описывая, как решительно «тигрица» (так именовал Уолпол Екатерину Алексеевну) захватила власть, автор задается вопросом: неужели можно допустить, что она сделала это ради Ивана Антоновича?

Русская тема представлена в издательской деятельности Х. Уолпола. Будучи человеком, располагавшим средствами и временем, интересуясь очень многим, развлекаясь вечерами писанием писем или приятными беседами с друзьями, Уолпол искал, где можно реализовать свою энергию. В июне 1757 г. в одном из коттеджей, расположенных на территории парка, окружавшего Стрauberри Хилл, начала работать организованная им частная типография. Около двух недель шло налаживание печатного станка. Процесс протекал в присутствии довольно многочисленной группы зрителей, включавших нескольких

лондонских издателей, а также приятельницу Уолпола очаровательную актрису Китти Клайв.

Отношение к издательскому делу у Уолпола было двойственным, серьезность намерений сочеталась с причудами богатого дилетанта, каковым он себя позиционировал. Владелец типографии следовал такому принципу: издавать то, что ему нравилось, что его интересовало. Единственное условие: выбранные для публикации тексты должны иметь отношение к исторической тематике. В качестве виньетки, украшающей каждую книгу, изданную в его домашней типографии, Уолпол избрал гравюру с изображением Струберри Хилл.

На первом этапе существования домашней типографии определяясь с кругом своих издательских интересов, Уолпол опубликовал книгу английского дипломата, Ч. Уитворта, дважды бывшего послом при дворе Петра I в период между 1704 и 1710 гг. Лорд Уитворт достаточно успешно совмещал дипломатические усилия, посвященные всесторонней поддержке торговых интересов своей страны, и деятельность агентурную, направленную на собирание разнообразных сведений о состоянии доходов и военной силы, т. е. о степени подготовленности России к той войне, которую она тогда вела.

Думается, справедливо следующее замечание Т. Л. Лабутиной: «собирая разведанные о состоянии вооруженных сил России, британский посланник составлял донесения таким образом, чтобы обратить внимание на их слабые стороны, по-видимому, надеясь, что эта информация дойдет до их противников – шведов» [10, с. 131].

Ради получения интересующих его сведений Ч. Уитворт много ездил по стране, старался присутствовать даже там, куда его не приглашали, пользовался услугами платных агентов, а, кроме того, делая разного рода приятности (денежные подарки, веселые застолья) сановникам императора, например «небезучастному к своим выгодам» Шафирову, за сведения самого различного характера.

В небольшом тексте, написанном около 1710 г. и предназначенном для британского правительства, содержится достаточно схематичная картина того, что хотел показать автор, но общий замысел и подход очевидны. Этот небольшой текст привлек внимание Х. Уолпола. Под названием «Россия, какой она была в 1710 году» книга с предисловием Уолпола была издана в количестве 700 экземпляров в 1758 г. В отечественной традиции название книги звучит «Россия в начале XVIII века».

Если рассматривать работу Ч. Уитворта с точки зрения «культурного диалога», то в ней схематично перечисляются непривычные для англичанина нравы «варварской» страны, преподносимые с усмешкой представителя просвещенной нации. Основным, постоянно исполь-

зуемым определением служит слово «невежество», которое применяется к религии, культуре, повседневному быту. Для Уитворта русское православие – это варварский вариант византийского христианства; памятники культуры – неуклюжие постройки и нескладные картины религиозного содержания. Характер народа оценивается следующим образом: «Обладает таким пассивным мужеством, как никакая другая нация в мире» [11, с. 68]. В этой реплике можно усмотреть не только снисходительность представителя цивилизованного общества в отношении «другого», но и оценка возможностей вероятного противника.

По сути автор, пользуясь устоявшимися стереотипами, не пытается показать, раскрыть, тем более, понять, что собой представляет описываемое им общество. Создается впечатление, что писался этот текст не ради создания «портрета чужого». Основное и достаточно развернутое содержание касается данных о степени военной подготовленности страны (вооружение, флот, состав армейских частей) к тому военному конфликту, который поглощал все силы страны.

На этом фоне особенно контрастно изображены личность и деятельность императора Петра I, противостоящего, по мысли Уитворта, своему народу и даже своему окружению и стремящемуся самими жестокими способами вывести на путь цивилизованности управляемую им страну. Характеристика сурового царя-преобразователя дается довольно комплементарная, люди из его окружения оцениваются в зависимости от того, насколько полезны они были самому Ч. Уитворту.

В предисловии, предваряющем собственно работу Ч. Уитворта, Х. Уолпол написал: «Маленькое сочинение лорда Уитворта прольет свет на становление Московской державы и на планы этого необыкновенного гения Петра Великого» [12, р. V]. Самого Уитворта издатель представляет читателю как одного из самых выдающихся британских дипломатов, много сделавшего для своей страны.

А вот далее описывается случай, очень типичный для игровой ментальности рококо, представляющий славные дела лорда Уитворта. После пространного патетического пассажа о том, сколько пользы принес Уитворт собственной стране, следует описание одного эпизода, который отсутствует в тексте Уитворта. Ссылаясь на некоего покойного сэра Люка Шауба, Уолпол написал, что лорд Уитворт «имел личную близость со знаменитой царицей Екатериной» в ту пору, когда она еще не носила на голове диадему. Перед отъездом посла на придворном балу Екатерина танцует с Уитвортом менуэт, будто бы прошептала: «Вы не забудете маленькую Кэт?» Автор предисловия замечает: «Приходится сожалеть, что такой занимательный писатель, как

лорд Уитворт, не оставил нам более подробно-го описания этой примечательной женщины» [12, р. XX–XXI].

Надо признать, что читающая публика уже тогда поставила под сомнение подлинность этого факта, но Х. Уолпол настаивал на своей правоте, ссылаясь на то, что ему известны другие любопытные анекдоты об этой государыне [цит. по: 13, р. 22]. Данный эпизод лишний раз подтверждает своеобразное отношение Уолпола ко всему, что он делал. Наверняка он знал о том, какие обстоятельства привели простолюдинку Марту в окружение царя Петра I и построил на этом знании пикантный анекдот. Уолпол интересовался историческими сюжетами, но позволял себе их достаточно свободно трактовать ради занимательности.

С точки зрения культурного диалога, история публикации сочинения Ч. Уитворта представляет два временных уровня восприятия проблемы. Один из них выражен автором сочинения о России в начале XVIII в., второй – мыслями по этому поводу издателя, изложенными полвека спустя. Написание работы (около 1710 г.) относится к тому периоду, когда британское правительство «стремилось «балансировать» между Швецией и Россией» [цит. по: 14, с. 185], а время публикации сочинения с комментариями издателя – 1758 г. Суть этих комментариев подчинена желанию обыграть и подчеркнуть успехи британских дипломатов.

Все вышесказанное представляет собой, условно говоря, взгляд Х. Уолпола на Россию и русских, не связанный с личным опытом общения и личными впечатлениями. Непосредственные контакты с представителями русского общества приходятся на вторую половину жизни Уолпола, когда он неоднократно бывал в Париже, а также стал довольно известной фигурой в культурной жизни Англии. Стоит отметить, что в 60–70 гг. XVIII в. происходит заметное сближение Великобритании и России, что в значительной степени объясняется взаимной заинтересованностью британского и русского правительств в нормализации международной ситуации после Семилетней войны [14, с. 256–257].

К середине 1760-х гг. Х. Уолпол в глазах общества перестал быть только сыном знаменитого отца, он приобрел известность как автор романа «Замок Отранто», а более всего как владелец «маленького готического замка» Струберри Хилл. Эту свою загородную резиденцию (дом с прилегающим парком) Уолпол обустроивал большую часть своей взрослой жизни, с конца 40-х до середины 70-х гг. Уже в 1760-х гг. Струберри Хилл обращал на себя внимание окружающих. Во внешнем облике этого «маленького готического замка», украшенного башенками, просматривались вертикали, узнаваемые, но лишённые подлинно готической, сред-

невековой стремительности. Уютные интерьеры, обставленные книжными стеллажами и каминами, стилизованными под старинные гробницы и освещенные стрельчатыми окнами, частично застекленные красочными витражами – вся эта веселая в духе рококо готика привлекала многочисленных посетителей. Способствовало этой популярности то обстоятельство, что находился Струберри Хилл неподалеку от столицы.

Уолпол сначала очень радовался популярности, с гордостью писал об этом в своих письмах. Потом неиссякаемый поток гостей стал его тяготить, были разработаны правила посещения: предварительная заявка, определенные часы визита, отсутствие маленьких детей и ряд других ограничений. Среди посетителей Струберри Хилл были не только подданные короля Георга III, но и приезжие с континента, среди них – выходцы из России.

Будучи человеком, привыкшим наблюдать и оценивать все несколько со стороны, Уолпол старался составить внешнее впечатление о русских, которых он мог видеть на официальных приемах, на балах, в театрах, наконец, в собственной загородной резиденции, куда можно было попасть, приобретя пригласительный билет.

Контакты Уолпола с некоторыми из этих заморских гостей описаны в первой главе монографии В. Э. Вацура «Готический роман в России» [15, с. 7–35]. Все они были представителями аристократических верхов русского общества. Некоторые приезжали по делам дипломатической службы, другие сопровождали или навещали сыновей, учившихся в европейских университетах, были и такие, кто странствовал из-за того, что оказался невостребованным дома, в России. Если попытаться определить, что объединяло этих людей (Воронцовы, Голицыны, Г. А. Демидов, Е. Р. Дашкова, Н. Б. Юсупов), то всех их можно условно отнести к той категории просвещенной части общества, кого в следующем XIX в. назовут западниками.

Наблюдая за русскими гостями, Уолпол, прежде всего, оценивал внешнее, чисто визуальное впечатление – не только, как выглядит, но и как ведет себя тот или иной человек. И тут своего рода показателем инаковости, а точнее степени соответствия критериям цивилизованности служит для него понятие «татарскость». Это определение используется очень широко, включая не столько внешний облик, сколько манеру поведения. Так К. Разумовского, с которым Уолпол не захотел знакомиться, он называет «последним татарским гетманом». При первом знакомстве Е. Р. Дашкова ему понравилась, но, когда она внезапно приехала в Струберри Хилл «со своей татарской свитой», он предпочел спрятаться, оправдываясь тем, что ему нечем было угостить посетителей.

Верный привычке обо всем рассказывать в письмах, Уолпол давал краткие пояснения раз-

ным эпизодам общения с русскими визитерами. Так, в мае 1776 г. он провел экскурсию по своему дому для Н. Б. Юсупова (в будущем создателя усадьбы Архангельское), отметив, что у того был пригласительный билет, но не проявив никакого интереса к самому посетителю. Люди, отличавшиеся от того, что одобрялось в кругу английских леди и джентльменов, будь то русские варвары или причудники французы, не вызывали заинтересованности и одобрения Х. Уолпола. Исключение из этого правила представляет его отношение к И. Шувалову, государственному деятелю и фавориту императрицы Елизаветы Петровны, который был рекомендован лордом Херфордом, британским послом в Париже в 1765 г. Кристофер Сеймур Конвей лорд Херфорд был кузеном и близким другом Уолпола, который в мартовском письме 1765 г. назвал Шувалова «очень приятным человеком». Первоначальное внешнее впечатление Уолпола от нового знакомого было весьма сдержанным. Шувалов показался ему слишком большим и малопривлекательным мужчиной. Об этом он написал в том же марте во Флоренцию Х. Манну, добавив, что его впечатление отличается от позиции императрицы Елизаветы [16, р. 289]. А уже в начале апреля 1765 г. в письме Херфорду, описывающем прием у принцессы Амалии и присутствовавших гостей, среди которых был И. Шувалов, позиция Уолпола кардинально меняется. Упоминание имени Шувалова сопровождается краткой его характеристикой, которая звучит буквально так: «Я в совершенном восторге от Шувалова; никогда не видел я столь любезного человека! Столько воспитанности, столько простоты и скромности, при таком чувстве собственного достоинства! Некоторая меланхоличность, но никакой подавленности...» [17, р. 527].

Для того чтобы понятнее была восторженность оценки, данной Уолполом Шувалову, следует напомнить об этом человеке. Иван Иванович Шувалов (1727–1797) был, несомненно, выдающейся фигурой. Последнее десятилетие правления Елизаветы Петровны он находился у самого кормила власти, не стремясь при этом к почестям, к получению формальных свидетельств высокого положения ни в виде титулов (он отказался от принятия графского титула), ни в виде материальных даров. Шувалов не проявлял властолюбия, не тяготел к активной политической деятельности. В нем соединялось легкое вольнодумство с подчеркнутой набожностью. Стержнем всей его деятельности можно признать желание способствовать просвещению своей страны и любовь к искусствам. Свое влияние он потратил на создание Московского университета и Академии художеств.

В статье, посвященной И. И. Шувалову, Е. В. Анисимов [18, с. 88] объясняет такую манеру поведения, цитируя объяснение, данное Г. А. Гуковским. Согласно этому объяснению она

культивировала тип человека, «презирающего внешние блага, углубившегося в самосовершенствование, в книги, проводящего жизнь среди высоких идей, окруженного избранными и не менее его добродетельными друзьями» [19, с. 31].

После переворота, приведшего к власти Екатерину II, Шувалов оказался не у дел. В 1763 г. он получил разрешение отправиться в заграничное путешествие, «для поправки здоровья», которое в силу ряда обстоятельств продолжалась до 1777 г. За этот период вельможный полуэмигрант сумел оказать русскому правительству несколько услуг. После того, как Шувалов способствовал отстранению агрессивно настроенного к России папского нунция в Польше, Екатерине пришлось изменить свое отношение к нему, хотя по человеческой сути он со своей мягкостью и нерешительностью был ей совершенно чужд.

Оценить, как воспринимали личность просвещенного русского вельможи те, с кем он общался в Париже, Риме, Венеции, Вене, Ферне и других культурных центрах тогдашней Европы, позволяет рукописный альбом, составленный в 1780-х гг. секретарем Шувалова Марайре де Кюсси. Этот написанный каллиграфическим почерком документ, озаглавленный «Утешение в разлуке», объединяет 96 писем известных и не очень представителей культурной жизни эпохи Просвещения. Среди авторов и знаковые фигуры (Вольтер, Гельвеций), и те, кого принято считать «рядовыми» культурной жизни той эпохи (президент Парижского парламента Эно, аббат Галеви, писательница Жанлис и, что в данном случае особенно интересно, Х. Уолпол).

Вот выдержки из писем парижских знакомцев Шувалова. Мадам Жофрей писала ему в Италию: «В Париже вы снискали себе любовь, уважение, успех в обществе... А если бы мы имели честь видеть в вас согражданина, мы бы еще лучше сумели бы вам угодить» [20, с. 278]. Хозяйка другого парижского салона, маркиза дю Деффан выразила сходные чувства несколько иначе: «Вы являетесь одним из праведников, поминаемых в наших молитвах, а в них мы мало кого поминаем» [20, с. 285]. Президент парламента Эно завершил свое письмо следующими словами: «...Репутация, которую вы создали себе у нас и которая повсюду за вами следует, могла бы сделать вас космополитом... Я оставляю вас, однако, за собой – для первой же державы, в которой я буду королем...» [20, с. 277].

Примем во внимание характерную для того времени склонность к витиеватости и высокопарности выражения мыслей, приправленной изрядной долей ироничности, которая свойственна эпохе, но общая суть позиции авторов совершенно очевидна.

Летом 1765 г. И. И. Шувалов посещал Х. Уолпола в Струберри Хилл, а осенью того же года оба они уехали в Париж, где встречались

в салоне маркизы дю Деффан. Место встречи говорит о многом. Хозяйка этого салона, просвещенная, остроумная и обаятельная (невзирая на преклонный возраст и слепоту) дама, придерживалась умеренных взглядов, не поощряла философских (т. е. радикальных в вопросах религии) настроений среди своих гостей. В такой обстановке комфортно себя чувствовали и православный Шувалов, и англичанин Уолпол. Кроме того, если припомнить основные черты характера, отличавшие Х. Уолпола, круг его интересов и манеру его поведения, он почти наверняка увидел в Шувалове то, что принято назвать «родственной душой», – человека, сторонящегося публичности, зато имеющего обширные интересы в сфере культуры.

Показательной можно считать фразу из письма от 25 сентября 1766 г. Х. Манну, который был не только давним и постоянным, но и самым близким, задушевным собеседником в письмах: «Здесь граф Шувалов, фаворит покойной царицы – не этой тигрицы, прошу иметь в виду. Я знавал его по Парижу в его прошлый приезд сюда и очень люблю его как одно из самых человеческих и любезных существ на земле. Он путешествует по Европе, пока не кончится эта тирания, и говорит о поездке в Италию. Обязательно познакомьтесь с ним: вы созданы друг для друга» [16, р. 455–456].

В течение следующих 10 лет связующим звеном между английским аристократом и русским вельможей служила их общая приятельница мадам дю Деффан, которая в своих письмах тому и другому напоминала, что каждый из них помнит и хорошо относится друг к другу.

В сентябре 1775 г. Х. Уолпол приехал в Париж. Вновь местом светского общения для него остается, как и прежде, салон Мари дю Деффан. И. Шувалов тоже в это время находился в Париже и они встречались. Расставаясь с Шуваловым, который собирался возвращаться в Россию, Уолпол просил его портрет, чтобы украсить им галерею Струберри Хилла. Портрет был готов в том же 1775 г. и отослан в Англию. На нем Шувалов представлен держащим в руке эстамп с изображением Хораса Уолпола.

Последнее обстоятельство послужило основной темой письма Уолпола и поводом для любопытства мадам дю Деффан. Она пожаловалась, что Шувалов отказался зачитать ей это письмо. Зная его содержание, зная характер Шувалова, этот отказ вполне объясним. Вот что было написано в апрельском письме 1776 г.: «Большую честь оказали Вы мне, граф, и огромное доставили удовольствие присылкой своего портрета. Вы доказали этим, что цените мои дружеские к вам чувства... по чрезмерной своей доброте и скромности, вы значительно понизили цену портрета, приказав присоединить к нему изображение человека, совершенно недостойного быть рядом с вами...» [20, с. 290].

Подобно другим корреспондентам Шувалова Уолпол обращается к нему – граф, хотя тот в свое время отказался от предложенного Елизаветой Петровной графского титула, и англичанин, скорее всего, об этом знал. Тут проявилось обычное человеческое стремление наделять титулами и званиями тех, кому хочется польститься или просто высказать свою приязнь. Развивая эту тему, англичанин пишет, что не может претендовать на «соседство с философом, в течение двенадцати лет обладавшим полнотой власти и не нажившим ни одного врага» [20, с. 290]; такое под силу только императору Марку Аврелию или английскому премьеру сэру Роберту Уолполу. Завершает письмо просьба прислать гравированный портрет «государыни, которая по достоинству умела вас ценить» [20, с. 291]. И такой портрет был прислан. В настоящее время портрет Шувалова считается пропавшим вместе со многими другими картинами, украшавшими Стоуберри Хилл.

Еще одно письмо Уолпола, относящееся к этому времени (июль 1776 г.), сообщает о посланных Шувалову медальонах: «...Я истратил все ваши деньги, но, зато, ведь и медальонов немало...я, может быть, могу надеяться, что удостоюсь чести сделаться вашим комиссионером?» [20, с. 291].

Деловая информация плавно перетекает в комплементарно-ироническую угрозу: «Если вам угодно будет хранить эстамп с моим изображением в вашей комнате, то уже и это будет для меня незаслуженным почетом, но никогда не хватит у меня дерзости вставить себя в одну с вами раму... Если вы меня рассердите, я заставлю вас держать в руке кардинала де Ришелье, у которого так же мало прав на соседство с вами, граф, как и у – вашего и пр. Ораса Уолпола» [20, с. 291–292].

На первый взгляд, несколько преувеличенной кажется восторженная тональность и нотка самоуничижения в обращении к корреспонденту. Так было принято. Вот как писал Шувалову другой его корреспондент остроумец аббат Галиани: «...Вам все же угодно было бросить свой взор на меня, отчего я и возгордился» [20, с. 286].

Для понимания взглядов Х. Уолпола, делается, совершенно необходимо учитывать, что он был дилетантом в том смысле, который этому понятию придавался: «...в Англии XVII–XVIII столетий, где это слово было почти синонимично слову «виртуоз». Оба они употреблялись как комплимент по отношению к джентльмену, увлекающемуся на досуге науками и свободными искусстваами» [21, с. 45]. Тип просвещенного дилетанта был довольно распространен в английском обществе эпохи Просвещения.

Широкий кругозор, умение увлеченно работать сочеталось у джентльменов-дилетантов с переменчивостью интересов, с демонстративно несерьезным, капризным отношением к тому,

чем они занимались. Поведенческая практика Х. Уолпола может служить тому подтверждением, он сам это обыгрывал, давая себе характеристику в третьем лице: «...Противоречиями его характера являлись многочисленные капризы и непобедимое упорство...» [22, р. 254].

Что касается по сути восторженного отношения Х. Уолпола к И. Шувалову, то в этом случае явно возобладали оценка, согласно которой «Другой» по национальной принадлежности может быть «Своим» по культурно-нравственным приоритетам [1, с. 262]. В целом восприятие Уолполом носителей другой культурно-исторической традиции соответствовало устоявшимся в английском обществе снисходительно-критическим оценкам.

Список литературы

1. *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историческая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.
2. *Porter R.* The English Enlightenment // The Enlightenment in National Content / ed. by R. S. Porter, M. Teich. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 1–18.
3. *Walpole H.* Memoires and portraits. New York: B. T. Bedford, 1963. 312 p.
4. *Васильева С., Эрлихсон И.* Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века. СПб.: Алетейя, 2020. 480 с.
5. *Walpole H.* Correspondence / ed. by W. S. Lewis: in 48 vols. Yale; London: O. U. P., 1937. Vol. 22. 588 p.
6. *Walpole H.* Selected letters of Horace Walpole. London: Bell and sons, 1914. 426 p.
7. *Хейзинга Й.* Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
8. *Одесский М. П.* Кантемир и Поуп // Прометей. Историко-биографический альманах. Вып. 16 / сост. Е. Бондарева. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 251–261.
9. Гораций Вальполь // *Маколей.* Полн. собр. соч.: в 16 т. СПб.; М.: издание М. О. Вольфа, 1866. Т. 2. С. 163–202.
10. *Лабутина Т. Л.* Британский дипломат и разведчик Чарльз Уитворт при дворе Петра I // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 124–135.
11. *Уитворт Ч.* Россия в начале XVIII века. М.: Институт истории СССР, 1988. 222 с.
12. *Walpole H.* Advetisement // Russia as it was in the year 1710, by Charles lord Whitworth. Strawberry Hill, 1758. P. I–XXIV.
13. *Havens M. A.* Horace Walpole and the Strawberry Hill Press. 1757–1789. Canton Pennsylvania: The Kirgate Press, 1901. 86 p.
14. *Соколов А.Б.* Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль: Верхне-Волжское издательство, 1992. 304 с.
15. *Вацура В. Э.* Готический роман в России М.: Новое литературное обозрение, 2002. 548 с.
16. *Walpole H.* The letters of Horace Walpole earl of Orford: in 6 vols. Vol. 5. London: S. Bently, 1840. 556 p.
17. *Walpole H.* Correspondence / ed. by W. S. Lewis: in 48 vols. Yale; London: O. U. P., 1937. Vol. 38. 578 p.
18. *Анисимов Е. В. И. И. Шувалов – деятель российского просвещения* // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 88–104.
19. *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750–1760 годов. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936. 246 с.
20. Литературное наследство. Т. 29/30: Русская культура и Франция / отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский. М.: Жур.-газ. объединение, 1937. 764 с.
21. *Соколова М.* Феномен дилетанта в английской художественной жизни XVIII в. // Любительство XVIII–XXI вв. От просвещенных дилетантов до рок-музыкантов / отв. ред. К. Г. Богемская. М.: Государственный институт искусствознания, 2010. С. 46–59.
22. *Horace Walpole: The Critical Heritage* / ed. by P. Sabor. London; New York: Routledge and Kegan Paul, 1987. 372 p.

Поступила в редакцию 04.05.2022; одобрена после рецензирования 18.05.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 04.05.2022; approved after reviewing 18.05.2022; accepted for publication 30.06.2022